

## Работы победителей IX Международного литературного тютчевского конкурса «Мыслящий тростник»

### Номинация «Философское эссе»

**Виктор Сергеевич Петров** (Ростов-на-Дону)- поэт, писатель, критик, журналист, главный редактор журнала «Дон».

#### «МИРОЗДАНЫЮ СОВРЕМЕННЫЙ»

Поэтические воззрения Ф. И. Тютчева

Судьба обошлась с поэтом Фёдором Ивановичем Тютчевым как ни с кем другим. Так и думается, что уже в силу этого ему отведено особое место в русской литературе. Искать предшественников нет смысла, да и с последователями не заладилось. Опять же подражание ему исключено – слишком сложен состав поэтического вещества, коим скреплён тютчевский словарь. Непохожесть не внешняя, а глубинная, уловимая и считаваемая лишь сродством душ, редкостной созвучностью сердец – творца и внимающему ему.

Если поименовать поэтов пушкинской поры, то Фёдор Тютчев не окажется в их числе по ряду причин, а главная – значителен сам по себе, возможно, даже беспредельностью своей мысли длит Пушкина; и если в этом значении Лермонтов безоглядно трагичен, то Тютчев поражает внутренней силой, собранностью, заглядом при этом в разверстые бездны. Он земной, но весь устремлён к небесным высям, даром ли пребывал в «изумлении и восторге» Пушкин, когда впервые прочёл тютчевские строки. И радостно стал печатать в своём журнале неизвестного дотоле автора.

Дворянская усадьба Овстуг Брянского уезда Орловской губернии – отправная точка поэта и одновременно возвратный пункт, куда его всегда тянет. Овстуг!.. Даром ли здесь ещё в языческую пору сменяли друг друга славянские племена северян, вятичей и родимичей, само название села от них: «стуг» – стоянка, поселение. А мне слышится перекликом родное, степняцкое, казачье – стан, становище, станица.

«Овстуг» – знакомая, старая стоянка. Уже в самом звучании, а тем более в понятийной разгадке этого слова, обозначения, видится нечто искомое, определяемое смыслом и провидением. Собственно так, как и происходит чаще всего в стихах Тютчева.

В разлуке есть высокое значенье:  
Как ни люби, хоть день один, хоть век,  
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,  
И рано ль, поздно ль пробужденье,  
А должен наконец проснуться человек...

Родовое гнездо становится местом силы. И кто знает, не отсюда ли неистребимая любовь Фёдора Тютчева к державной России, вера в то, что ей назначено соединить славянские народы в одно целое под православным знаменем? Там было детство с матушкой Екатериной Львовной, побуждавшей постигать мир и себя в нём, а также с нежно опекавшим его и впоследствии дядькой Хлоповым, конечно, стоит быть упомянут и домашний учитель Семён Раич, сам поэт-переводчик, пестовавший литературный дар своего воспитанника.

Осенью 1819 года в неполные шестнадцать лет Фёдор Тютчев поступает на словесное отделение Московского университета. Литературные интересы становятся главными, присуще ему и политическое свободомыслие. Окончен университет со степенью кандидата словесных наук, и в начале 1822 года он поступает на службу в коллегию иностранных дел. А вскоре оказывается чиновником при русской дипломатической миссии в Мюнхене... Зарубежный период продлится 22 года. Каково это было Тютчеву? Обронил в одном из писем, что тяжело «существование человека без родины».

Но именно на чужбине – вне литературной среды – является в характерном только для него виде и образе поэт Фёдор Тютчев, можно сказать, вопреки всему и вся.

Счастлив, кто посетил сей мир  
В его минуты роковые!  
Его призвали всеблагие  
Как собеседника на пир.

И примерно в том же 1830 году складываются хрестоматийные строки стихотворения «Молчание!», названного по латыни «Silentium!» (удивителен здесь авторский восклицательный знак, что побуждает читателя на особый настрой):

Молчи, скрывайся и таи  
И чувства и мечты свои –  
Пускай в душевной глубине  
Встают и заходят оне  
Безмолвно, как звезды в ночи, –  
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?  
Другому как понять тебя?  
Поймёт ли он, чем ты живёшь?  
Мысль изречённая есть ложь.

Задаваемые поэтом вопросы уже и есть некие ответы. Только непроизносимые вслух, потому что «есть ложь». И далее – как выход, как осознание:

Лишь жить в себе самом умей –  
Есть целый мир в душе твоей.

Повторяемость глагола «есть» вряд ли случайна. Противопоставляются «ложь» и «мир в душе», да, они в данном случае равноценны по силе воздействия, но выбор остаётся за нами. Сумеет ли «жить в себе самом»? А вот Тютчев, вне сомнения, весь свой довольно протяжённый по тогдашним меркам век следовал этому завету. Возможно, отсюда сложность и противоречивость творческой натуры и самого человеческого характера поэта. Следует принять во внимание и ту поистине сложную историческую действительность, что выпала на его долю и не могла не сказаться в целом на судьбе.

Блестяще образованный, один из «редких, светлых, изящных» (державинские слова о другом поэте вполне применимы к Тютчеву) умов своего времени, перед которым тушевался Чаадаев, он, познавший Запад, остался русским человеком. Его светочем и болью была Россия – «В Россию можно только верить». И ровно через три недели, конец 1866 года, после этой знаменитой строки задаётся вопросом, пожалуй, актуальным и посейчас:

Ты долго ль будешь за туманом  
Скрываться, Русская звезда,  
Или оптическим обманом  
Ты обличишься навсегда?

Но ранее был значительный период тютчевского пути в русской поэзии. Да, Пушкин разместил в 1836 году в «Современнике» 16 стихотворений. Затем Тютчев печатался и в других изданиях. О нём писали и говорили в восторженных тонах. Однако ему это кажется не самым главным, больше занимают явления политического порядка – не забудем, какой бурной была середина XIX века. Дипломатическая служба и в связи с ней долгое нахождение в чужих землях сказались на мировидении поэта. «Апофеоз человеческого я», по Тютчеву, определяет движение западноевропейского общества, а причины тому – католицизм и революционность. Отрицая «самовластье», он тем не менее был против насильственных изменений государственного устройства. О декабристах сказано по горячим следам («14-ое декабря 1825») и уж куда как откровенно:

Народ, чуждаясь вероломства,  
Поносит ваши имена –

И ваша память от потомства,  
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной!..

Написано в 1926 году, не ранее августа, а пушкинское «Во глубине сибирских руд...» помечено 1827 годом. Два разных взгляда на одно событие, и только поэзия объединяет их.

Вернувшись на родину, Тютчев живёт в Петербурге. Литературные дела его, как всегда, не особенно волнуют, а вот политические события в центре интересов. Между тем он продолжает писать вершинные стихи, не заботясь об их обнаружении.

Волн неистовых прибоем  
Беспрерывно вал морской  
С рёвом, свистом, визгом, воем  
Бьёт в утёс береговой, –  
Но, спокойный и надменный,  
Дурью волн не обуян,  
Неподвижный, неизменный,  
Мирозданию современный,  
Ты стоишь, наш великан!

Какова гениальность таких двух строк – «Дурью волн не обуян» и «Мирозданию современный» – о морском утёсе! Разве только об утёсе как символу России? Здесь подспудно и многое другое, то – невысказываемое, но осознаваемое, выстраданное. Даже о самом поэте, о себе самом. Возвращает Тютчева к его же собственному дару, побуждает куда как серьёзно отнестись к писанию стихов статья Некрасова в журнале «Современник» (1850, №1), где на основе прежде печатавшихся произведений выносится суждение, что «талант г. Ф. Т-ва» относим «к русским первостепенным поэтическим талантам». Вскоре следует тургеневское понимание Тютчева – «одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина».

1854 год. Наконец выходит в свет первое издание стихотворений Ф. И. Тютчева. Это в основном опубликованные ранее оригинальные и переводные произведения, но и впервые выносимый на людской суд пронзительный свод стихотворений о «беззаконной» любви поэта к Елене Александровне Денисьевой. На пределе переживаний обращение – «Ты волна моя морская, / Своенравная волна...» Прибегая к образу волны, Тютчев не только точен в описании своенравного предмета своей любви, а и даёт волю трепетному чувству.

Сладок мне твой тихий шёпот,  
Полный ласки и любви;  
Внятен мне и буйный ропот,  
Стоны вещице твои.

Пусть ты, волна, будешь «в стихии бурной то угрюма, то светла», лишь бы  
сберегла, что взяла у поэта. Он опустил «в зыбь твою... не кольцо, как дар  
заветный».

Нет – в минуту роковую,  
Тайной прелестью влеком.  
Душу, душу я живую  
Схоронил на дне твоём.

Поразительная глубина и исповедальная искренность лирического цикла  
дают возможность более всего понять самого Тютчева. Долгие годы  
осуждаемых в свете отношений с любимой женщиной, и только смерть от  
чахотки Денисьевой положит конец их связи. Условности были таковы, что  
всё порицание падало на неё, а этого поэт не смог себе простить. Осознание  
вины не оставляло его.

О, как убийственно мы любим!  
Как в буйной слепости страстей  
Мы то всего вернее губим,  
Что сердцу нашему милей!

Как жить после «убийственной любви», после схоронения души заживо!  
Сердце разрывало и то, что «последнюю любовь» довелось испытать  
одновременно с привязанностью к жене, к которой обращались строки:

Но если бы душа могла  
Здесь, на земле, найти успокоенье,  
Мне благодатью ты б была –  
Ты, ты, моё земное провиденье!..

И всё-таки торжествуют другие тютчевские строки этой же самой поры. Они  
возносят нас в горние выси, заклиная – «продлись, продлись очарованье». Тут  
приходит на ум Гёте в одном из переводов XIX века: «Мгновенье, прекрасно  
ты, продлись!..» Всё так, но велик русский язык, и в каком другом ещё может  
быть такое слово – «очарованье», когда заодно и очи, и чары! А черед  
гласных...

Господи, какое чудо – родная речь!  
И бессчётно цитируемая последняя строфа – как выдох:

Пушай скудеет в жилах кровь,  
Но в сердце не скудеет нежность...  
О ты, последняя любовь!  
Ты и блаженство, и безнадежность.

Перечитываю... И оставляет в раздумье четвёртая строка. Выбивается из размера. Наверное, вполне могло быть и так:

Блаженство ты и безнадежность.

Но если брать в целом все три строфы стихотворения «Последняя любовь», там также встречается подобное. А ведь это может быть замысел Тютчева на подсознании: сбивчивость поэтической речи передаёт волнение – авторское и читательское. Словом, не знаю, только догадка.

Любовь оставляет воспоминания. Складываются горестные стихи о последнем сроке Денисьевой «Весь день она лежала в забытии...» Слышался шум летнего дождя, жизнь продолжалась.

И вот, как бы беседуя с собой,  
Сознательно она проговорила  
(Я был при ней, убитый, но живой):  
«О, как всё это я любила!»

Пожалуй, из «убитый, но живой» в русской поэзии вышло значительное количество схожих образов. Нет, это не плагиат или подражание, здесь иной порядок.

И тогда же написанное:

Душа хотела б ей молиться,  
А сердце рвётся обожать...

3 августа 1864 года накануне печальной годовщины Тютчев записывает своё состояние, и есть ли в русской поэзии строки пронзительнее сложенных им? Должно быть, есть, но что-то мне подсказывает – дело не в этом. Такие стихи невозможно сравнивать. Они созданы для другого. Чтобы мы пытались понять, какая она – жизнь, и кто мы в ней.

Вот бреду я вдоль большой дороги  
В тихом свете гаснущего дня...  
Тяжело мне, замирают ноги...  
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю –  
Улетел последний отблеск дня...  
Вот тот мир, где жили мы с тобою,

Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,  
Завтра память рокового дня...  
Ангел мой, где б души ни витали,  
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Особенность поэтического развития Фёдора Тютчева во многом. Он родился, по замечанию биографа, с «признаками высших дарований», и его детская природа скрашивалась «тонкой, изящной духовностью». Натура поэта проявляла свою исключительность уже в юном возрасте. Вне всякого сомнения, отложил свой отпечаток и 1812 год, когда до срока выросли дети, впитывая общий патриотический подъём. Раннее развитие не могло не вызвать непреходящую любовь к России, что пронизывает всю поэзию Ф. И. Тютчева. Всё было за то, чтобы литература стала главным делом. Фёдор Тютчев 14-ти лет выносит на суд московского Общества любителей российской словесности свой перевод из Горация, благосклонно встреченный он печатается в так называемых «Трудах». Однако этому больше обрадовалось семейство Тютчевых, чем сам юный поэт. Оказалось, Фёдор Тютчев напрочь лишён авторского тщеславия.

И так было всегда в дальнейшем.

Представьте долгие годы на чужбине – вне родного языка, вне литературной среды, а он, правда, от случая к случаю пишет стихи. Пишет тогда, когда они захватывают его, подступают к сердцу. Вернее, записывает, порой где придётся, на случайной бумаге. Для поэта это был способ существования. Внутренняя жизнь перемежалась с внешней, но кто знал об этом? И только когда, по прошествии лет, он возвращается в Россию вначале стихами, а потом и своим окончательным присутствием, выстраивается хроника его духовного роста. И тогда вслед за Пушкиным восторженно ахают признанные авторитеты. В их числе оказывается Лев Николаевич Толстой, назвавший Тютчева своим любимым поэтом и заметивший, что когда он впервые его прочёл, то «просто обмер от величины его творческого таланта...»

Успех первого сборника мало что значит для Тютчева, ведь началась Крымская война, и чередуются разного рода события как внутри России, так и за её пределами. Дипломатические и военные поражения ощутимы, страна в сложном положении. Тютчев тяжело переживает, пишет гневную публицистику и стихи, хотя

Теперь тебе не до стихов,  
О слово русское, родное!

И далее следует весьма актуальное и сегодня утверждение по поводу русского слова:

Все богохульные умы,  
Все богомерзкие народы  
Со дна воздвиглись царства тьмы  
Во имя света и свободы!  
Тебе они готовят плен,  
Тебе пророчат посрамление, –  
Ты – лучших, будущих времён  
Глагол, и жизнь, и просвещение!

Назначение Ф. И. Тютчева председателем Комитета иностранной цензуры и пребывание в этой должности до конца своих дней, пусть и опосредованно, более всего сказалось на завершающем этапе творчества. Поэт, чутко улавливая вызовы времени, отвечал на них благородством поступка, стремился на практике руководствоваться методом направления, а не подавления печати. Фёдор Иванович заступался за гонимые издания, шёл вперекор начальственным лицам, за что слыл «оппозиционером». Действительность преломлялась в творчестве, становясь явлением и поводом к размышлению вне контекста создания того или иного произведения. Примечательно стихотворение «Славянам», прозвучавшее 11 мая 1867 года как приветствие гостям Славянского съезда в петербургском Дворянском собрании. Оценена европейская реальность на тот период, характеризуются отношения между славянскими и другими народами, указан единственный путь избавления от «розни и невзгод». Славяне,

Вы дома здесь, и больше дома,  
Чем там, на родине своей, –  
Здесь, где господство незнакомо  
Иноязыческих властей.

Здесь, где у власти и подданства  
Один язык, один для всех,  
И не считается Славянство  
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной  
И были мы разлучены,  
Но всё же мы народ единый,  
Единой матери сыны...

Кажется, чего уж больше: русский поэт сказал – и сказал на все времена! Великие книги надо было бы читать современным витиям и понимать их. А ещё у Фёдора Ивановича там же – да прямо-таки в наше сегодня:

Опально-мировое племя,  
Когда же будешь ты народ?  
.....  
И грянет клич к объединенью,  
И рухнет то, что делит нас?..  
Мы ждём и верим провиденью –  
Ему известен день и час.

Это и есть, по Тютчеву, «вера в правду Бога». А вот второе стихотворение с таким же названием «Славяне» и написанное 11-16 мая 1867. Характерно, что оно дважды было прочитано для славянских гостей уже в Москве. Это прямой ответ тем, кто хотел бы славян «прижать к стене». Так вот – об этой стене, о России, и о судьбе славян:

Шестую часть земного круга  
Она давно уж обошла..  
  
Так пусть же бешеным напором  
Теснят вас немцы и прижмут  
К её бойницам и затворам, –  
Посмотрим, что они возьмут!

Чем не про 1945-й год?! Даром ли к Фёдору Тютчеву обращались в годы Великой Отечественной. А ещё это про «красные линии», если обернуться к сегодня.

Тютчев крайне современен:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –  
Чем либеральней, тем они пошлее...

После Крымской войны по Парижскому договору 1856 года Россия потеряла возможность использовать Чёрное море в полной мере. И только через 14 лет «далась победа не кровью, а умом» – поэт знает, о чём говорит. Это был успех дипломатии, других мер, но только не военных, когда «не двинув пушки, ни рубля»:

И нам завещанное море  
Опять свободно волной,  
О кратком позабыв позоре,  
Лобзает берег свой родной.

Но Тютчев не был бы Тютчевым, если бы не заглядывал наперёд, предрекая близкое и далёкое. Уже в самом его вопросе 150-летней давности – «Но кончено ль противоборство? – слышится подтверждённый историей ответ.

И к распре той, что Бог рассудит,  
Великий Севастополь будит  
От заколдованного сна.

И то, что были затоплены корабли, – поправимо, оживёт «Бессмертный черноморский флот». Задумайтесь после этого о провидческом даре поэта.

Этот дар необъясним. Но одно точно: без радостного изумления перед проявлениями жизни, без желания постичь её саму как чудо ничего не будет. Будет существование.

И несколько раньше – как не минуло столько лет между двумя встречами:

Я встретил вас – и всё былое  
В отжившем сердце ожило...

Тут не одно воспоминанье,  
Тут жизнь заговорила вновь, –  
И то же в вас очарованье,  
И та ж в душе моей любовь!..

Фёдора Ивановича не стало в середине лета 1873 года. Больше полугода тяжело болел.

Бывают роковые дни  
Лютейшего тяжёлого недуга...

И как желается, чтобы «всемилосердный бог» послал тебе живую душу, и вы хотя бы коснулись друг друга. И тогда, может быть:

Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,  
И верит сердце в правду и любовь.

...Чудесным образом попал ко мне невеликого размера сборник русской художественной лирики «Волна». Еле живой, страничные тетрадки не все. Издан в Петрограде, с ятями, вторым тиснением.

Так вот в этой книжке собраны известные на ту пору русские поэты. Ф. И. Тютчев занимает достойное место в каждом из семи разделов.

А в разделе «Созерцание природы» он делит одну страничку с А. С.

Пушкиным. У Александра Сергеевича «Последняя туча рассеянной бури!», а у Фёдора Ивановича «Гроза прошла. Ещё курясь, лежал...».

И так легко на душе, когда они читаются заодно.

## **Номинация «Философское стихотворение»**

***Виктор Федорович Кирюшин*** (Москва-Брянск)- поэт, издатель, председатель Совета по поэзии СП России.